

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

Представленная «Геликон-оперой» новая постановка «Золотого петушка» Н.А. Римского-Корсакова стала не только одной из главных оперных премьер июня, но и наиболее ожидаемым и интригующим музыкальным событием.

Почему «Золотой петушок», последняя, пятнадцатая опера композитора до сих пор остается сочинением во многом загадочным? Вопрос, на который нет, и, наверное, не может быть ответа. Определяемая как сатирическая сказка, эта опера имеет многоплановую жанровую природу, являясь в то же время «небылицей в лицах». Ее персонажи — это именно «лица», действующие лица в создаваемой композитором космологической модели мира.

Как известно, первые музыкальные эскизы «Золотого петушка» появились в записных книжках Н.А. Римского-Корсакова в середине октября 1906 года (и тогда же он сообщил о своем замысле другу — либреттисту **В. Бельскому**), а в августе следующего, 1907 года партитура оперы была закон-

чена и отдана в печать. Однако, услышать свое любимое детище из-за цензурного запрета композитору не довелось. Мировая премьера «Золотого петушка» состоялась уже после смерти Н.А. Римского-Корсакова — в Москве, в сентябре 1909 года, силами артистов Оперного театра С.И. Зимина. Первый спектакль выпускали режиссер **Петр Оленин**, дирижер **Эмиль Купер** и художник **Иван Билибин**. За прошедшие со дня премьеры почти одиннадцать десятилетий «Золотой петушок» снискал популярность по всем мире.

Примечательно, что в одном из писем В. Бельского — автора либретто этого едва ли не самого парадоксального и самого многозначного оперного шедевра Н.А. Римского-Корсакова, созданного на основе стихов одноименной сказки А.С. Пушкина, — есть мысль о «безгранично царящем (в опере) зле» и «чувствуемом зрителями надо всем этим где-то добре». Действительно, эта неясность, нерешаемость вопроса, где тут «зло», а где «добро» —

«Золотой петушок». Шемаханская царица — Ю. Щербакова, Додон — М. Гужов

принципиально новое качество типичного для композитора «двоемирия».

Исследователи творчества Н.А. Римско-Корсакова отмечают, что, с одной стороны, в «Золотом петушке» сфокусированы все основные мотивы русских опер — взаимоотношения царской власти и народа, выступление в военный поход и возвращение, заседания «боярской думы» и теремные сцены, «пленительный Восток» и неизбывная мечта о свободе и любви. С другой стороны, в условиях избранного композитором сюжета, большинство названных мотивов решается им как своеобразная «вариация на стиль» — юмористическая, сатирическая или ироническая. Отсюда — контрастное сочетание «высокого» и «низкого». Например, примитивной темы с изысканной гармонией или сложной полифонической разработкой. Так, «Чижик-пыжик», исполняемый Додоном в разгар любовного признания, имеет не просто юмористический, а гротесковый характер, что выходит за пределы эстетики русской классической оперы, предвосхищая использование техники коллажа в музыке XX века.

Все эти отнюдь непростые особенности

музыкальной драматургии «Золотого петушка» нашли свое оригинальное воплощение в новой версии оперы, придуманной режиссером-постановщиком — народным артистом России **Дмитрием Бертманом**. В 2016 году «Золотой петушок» был создан им в одном из лучших театров Германии, в Немецкой Опере на Рейне в Дюссельдорфе, и имел большой успех. «Геликон-оперу» и Немецкую Оперу на Рейне не один год соединяют творческие связи, а Москва и Дюссельдорф — города-побратимы (совсем недавно мы отмечали 25-летие побратимских связей).

С не меньшим успехом прошла и нынешняя, московская премьера оперы. На ней побывал директор Немецкой оперы **Кристоф Майер**, испытавший восторг от новой постановки, над которой трудилась прекрасная команда. Помимо Д. Бертмана, это народный артист СССР **Владимир Федосев**, ставший ее музыкальным руководителем (вместе с ним над музыкой работал также дирижер **Валерий Кириянов**), художник-сценограф **Эне-Лизз Семпер** (Эстония), художники по свету **Томас Хазе** (США) и **Денис Енюков**, хореограф **Эдвальд Смирнов**, хормейстер **Евгений Ильин**.

Додон — М. Гужов, Ключница Амелфа — Л. Костюк

В. Федосеев и Д. Бертман

Д. Бертман всегда был и остается режиссером вне каких-либо направлений, неизменно исповедующим свои собственные эстетические законы и правила. Его режиссерские концепции, кажется, рождаются из столкновения логики и парадокса. От «Геликона» каждый раз ждешь новых экспериментов и неожиданных трактовок. Поэтому не удивительно, что каждый его спектакль вызывает как восторг, так и бурные споры.

Придуманный режиссером образный мир и на этот раз оригинален и неожидан. Мир этот — мозаичный (как и декорации спектакля), балаганно-праздничный, ярко-лубочный и в то же время гротескно-сатирический, основанный на сочетаемости несочетаемого, поэтому рядом с сатиричностью мы встречаем и драматизм, а рядом с комическим — страшное, с безобразным — прекрасное.

По словам Дмитрия Бертмана, здесь нет какого-то конкретного адреса: «Времена всегда одинаковые, и такие Додоны есть не только в России». А потому, в отсутствии адресности и привязки к определенному времени, история становится вневременной. «Сказка ложь, да в ней намек!». Оживляя через персонажей оперы характеры и быт сегодняшнего времени, воссоздавая

современную атмосферу, Д. Бертман вместе с тем наполняет эту сказочную историю философской глубиной притчи и ощущением призрачности, иллюзорности происходящих в ней событий.

Соавторами режиссера выступили художник-сценограф Эне-Лииз Семпер (Эстония) в содружестве с художниками по свету Томасом Хазе (США) и Денисом Енюковым, превращающими придуманную многофункциональную декорацию то в баню-сауну с огромным пенящимся котлом посередине, где парятся Додон и члены «государственной думы», то в современный офис с рабочим кабинетом Додона и его огромным столом с бесчисленным количеством телефонов (на проводе — вся страна!), то в ночной бар, где Шемаханская царица всячески пытается соблазнить Додона. При этом пол и стены этого сказочного «офиса» напоминают мозаичное панно.

Благодаря удачному решению сценического пространства, действие идет одновременно в разных частях сцены. Помимо этого, Д. Бертман всегда найдет чем удивить публику. В новой постановке одну из главных ролей играет настоящий петушок Шарж, относящийся к старинной породе Шабо, выведенной в Японии в XVII ве-

ке при дворах аристократов. В тот момент, когда на сцене в клетке находится живой петушок, его сказочное воплощение поет свое знаменитое «Кири-ку-ку» на балконе.

Поскольку речь идет об опере и театре музыкальном, особенно хочется отметить оркестр под управлением Владимира Федосеева, показывающего высочайший класс музицирования. Маэстро и его молодому коллеге Валерию Кириянову удалось извлечь из партитуры Н.А. Римского-Корсакова новые смыслы, проникнув в самую ее суть, и дифференцированно выстроить сложную оперно-симфоническую ткань музыки, соединив ее в органическое целое. Замечательной частью этого музыкально-целого является также хор (хормейстер Евгений Ильин).

За пультом маэстро В. Федосеев подобен настоящему волшебнику, властелину дирижерской палочки, наделенному сказочной, таинственной силой. Он так умеет выстраивать звучание партитуры, добиваясь идеального интонирования и баланса звучания оркестровых групп и соотношения внутри каждой из них, что это позволяет ему решать любые художественные задачи с присущим именно ему особым блеском.

Непростыми были и задачи, стоящие перед исполнителями главных партий, — создать характеры сказочные и в то же время реальные, не говоря уже о трудностях вокально-технических. Так, известный критик Ю.Д. Энгель, присутствовавший на первой постановке оперы в исполнении солистов Частной оперы С.И. Зимина, в частности, отмечал: «Для исполнения «Золотой петушок» представляет много своеобразных трудностей. Партия Шемаханской царицы — одна из труднейших в оперной литературе по сумме требований, предъявляемых и к голосу певицы (хроматическая колоратура, высокие ноты, неумоимость), и к ее музыкальности, и к сценическому дарованию». Очень порадовало, что ее исполнительница — **Юлия Щербакова** — обладает не только блестящей вокальной техникой, но и превосходной внешностью. Ее Шемаханская царица покорила тонкостью и бо-

гатством выразительных оттенков в голосе, поистине «сказочной» красотой кантлены и безукоризненной пластикой, полной очарования в каждом движении.

Достоинным партнером молодой певицы стал исполнитель главной партии — **Михаил Гужов** (Царь Додон), обладатель мощного красивого баса, великолепной техники и яркого актерского темперамента. Как и в других работах поражает необычайная пластичность мелодических рисунков и обертональная наполненность интонаций. Его Додону прощаешь все недостатки и просчеты, настолько он обаятелен и артистичен.

Великолепны и убедительны как вокально, так и сценически **Лариса Костюк** (Ключница Амелфа), **Михаил Серьшев** (Звездочет), **Дмитрий Скориков** (Воевода Полкан) и **Кирилл Новохатько** (Золотой петушок), также создавшие образы впечатляющей силы.

По словам ученика Н.А. Римского-Корсакова, известного композитора и музыковеда Б. Асафьева, «партитура «Золотого петушка» — красивейшая из красивых». Он также замечает: «Обидно, что музыку этой мудрой и жуткой сказки долго принимали за комедийную, не вдумываясь в ее тон «трагического раздумья». Раздумья не только о судьбе России, но и о сущности человеческого бытия вообще и о мудром преклонении перед тайной жизни человека и природы».

Что же, «Золотой петушок» «геликоновцев» заставил о многом задуматься. О том, что взрослые иногда нуждаются в сказке даже больше, чем дети. О том, что в ожидании чуда нужно стремиться делать добрые дела. Тогда и чудо обязательно придет к тебе, причем не с пустыми руками. О том, что чудеса исчезают, когда их перестают ждать. И о том, что уже само ожидание чуда есть верный способ получить его.

Ирина НОВИЧКОВА

Фото Ирины ШЫМЧАК

предоставлены пресс-службой театра